

*В.М. Рыбаков**

Охрана государственной тайны в танском уголовном праве

АННОТАЦИЯ: Понятие государственной тайны является весьма древним и порождено практически всеми развитыми традиционными культурами. Хорошим примером такого рода является представление о государственной тайне и способах её охраны, существовавшее в традиционном Китае. Китайское уголовное право очень давно познало понятие режима секретности и выработало меры по охране этого режима. Уголовный кодекс династии Тан (618–907 гг.) демонстрирует вполне развитые нормы права, призванные ограничить циркуляцию существенной для государства информации. А то, что считалось секретами первостепенной важности, красноречиво характеризует приоритеты культуры как таковой в целом. Одной из самых любопытных черт гостайны в традиционном китайском обществе является стремление рационализировать иррациональное и вписать его в контекст обыденных важных государственных дел.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: традиционный Китай, государство и право, чиновничество, административное право, уголовное право, государственная тайна.

Ни одно мало-мальски самостоятельное государство не способно обойтись без секретов. Что-то приходится скрывать от своих, что-то от чужих, что-то — и от тех, и от других. Хочется верить, что когда-нибудь в светлом будущем спадут все завесы секретности. Но, судя по тому, насколько древним является понятие государственной тайны, сколь разнообразны темы и сюжеты, которые в ту или иную эпоху в

* Рыбаков Вячеслав Михайлович, д.и.н., ведущий научный сотрудник отдела Дальнего Востока Института восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург, Россия.

той или иной стране попадали под эту рубрику, да и вообще по человеческой природе и по природе власти, это вряд ли произойдёт в обозримом будущем.

Хорошим примером такого рода является представление о государственной тайне и способах её охраны, бытовавшее в традиционном Китае. Исстари существовавшая развитая государственность, существенный элемент идеократии в традиционной политической культуре и интенсивные связи с соседними государствами привели к тому, что китайское уголовное право очень давно познало понятие режима секретности и выработало меры по охране этого режима. Уголовный кодекс династии Тан (618–907 гг.) демонстрирует вполне развитые нормы права, призванные ограничить циркуляцию существенной для государства информации. А то, что считалось секретами первостепенной важности, красноречиво характеризует приоритеты культуры как таковой в целом. Конкретные представления относительно того, что именно государство полагает настолько существенным для своего нормального существования, что не хочет подвергать даже самому малейшему риску и потому обязывает держать это втайне от непосвящённых, ярко иллюстрируют самые общие представления об оптимальных способах государственного существования и выживания. Одной из самых любопытных черт гостайны в традиционных обществах являются попытки рационализировать иррациональное, вписать его в контекст обыденных важных государственных дел.

В Китае существовали отдельные перечни дел, которые надлежало хранить в тайне, причём в зависимости от важности эти дела были расставлены по ранжиру. В самом общем виде подразделение было двучленным: большие дела (*даши* 大事) и дела, большими не являющиеся, но, тем не менее, подлежащие сохранению в тайне (*фэй даши ин ми* 非大事應密).

К делам большим, то есть самым важным и, соответственно, самым секретным относились, как это было и есть всегда и везде, дела, неизбежно чреватые гибелью людей, то есть военные. Даже средневековые империи понимали, что своих солдат и вообще подданных надлежит беречь уже потому хотя бы, что иначе их просто не напасть. Нельзя позволять врагу убивать их без счёта — ибо они ведь самим пригодятся.

Притом ведь ясно, что внезапное нападение на врага минимизирует потери, а утрата внезапности приводит к жертвам, которых вполне можно было избежать.

Военные дела, в свою очередь, тоже вполне общечеловеческим образом подразделялись на вооружённую борьбу с внешними врагами и с врагами внутренними.

Недонесение

Три первых преступления из традиционного перечня самых нетерпимых и сурово наказуемых преступлений — так называемых Десяти зол (*ши э 十惡*)¹ являлись прямо антигосударственными. Любой законопослушный подданный, вдруг каким-то образом проведавший о чьих-то планах совершить Восстание против, Великую строптивость или Измену, обязан был под страхом суровых кар сообщить об этом ближайшим представителям администрации.

Всякий, кто узнал об Умысле восстания против или Великой строптивости, тайно доносит об этом ближайшим ответственным чиновникам (*суйцзинь гуаньсы 隨近官司*). Тот, кто не донёс, наказывается удушением. Тот, кто узнал об Умысле великой строптивости или Умысле измены и не донёс, наказывается ссылкой на 2000 *ли*... Во всех этих случаях необходимо тайно донести [о происходящем] ближайшим ответственным чиновникам [Тан люй 3, ст. 340, с. 247–248]².

В танском праве существовали, помимо триады главных зол, ещё две категории поступков, о которых все законопослушные подданные обязаны были доносить.

Первая из них относилась к Великой непочтительности — шестому из Десяти зол. Под эту же рубрику попадали проступки, опасные для августейших особ: изготовление некачественных лекарств или кораблей для императора, нарушение кулинарных запретов в императорской кухне и пр.

Вторая в Десять зол не входила вовсе.

Здесь речь идёт, во-первых, о непочтительных высказываниях об императоре, когда побуждения и соображения говорившего можно было отнести к исключительно вредоносным, а во-вторых — о лукавых словах.

Относительно непочтительных высказываний (*чжичи 指斥*) самих по себе Кодекс предписывает следующее:

Всякий, кто непочтительно высказался о Том, кто в паланкине, причём побуждения и соображения исключительно вредо-

¹ Об этой категории танского уголовного права см. напр.: [Тан люй 1, 1999, с. 80; Рыбаков 2013, с. 104].

² Кажущийся разноречивой карательных санкций, полагавшихся за недонесение о Великой строптивости, обусловлен тем, что в первом случае действия, подходящие под эту категорию, уже начали осуществляться, а во втором — ещё нет, наличествовал лишь умысел. А вот первое из зол, Восстание против, считалось настолько недопустимым, что за недонесение даже об умысле, ещё не перешедшем в стадию реализации, полагалась смертная казнь.

носны, наказывается обезглавливанием. Если исключительной вредоносности в побуждениях и соображениях нет, наказание — 2 года каторги [Тан люй 2, ст. 122, с. 65].

По поводу «исключительной вредоносности побуждений и соображений» (*цинли цехай* 情理切害) можно сказать, что первый входящий в этот термин бином указывает, по всей видимости, на то, что имеются в виду разом и эмоциональная, и рациональная подоплёки поступка (чувства и мысли), а второй — на то, что речь идёт о таких вещах, как убийство, грабёж, побег, сексуальное насилие [Ниида Нобору 1964, с. 776], причём, надо полагать, всё это как-то увязано с императорской особой.

Вне зависимости от того, удушением или каторгой надлежало наказывать того, кто отозвался о державных особах непочтительно, его действия равно относились к Великой непочтительности.

Что касается лукавых писемён (*яошу* 妖書) и слов (*яоянь* 妖言), то закон предписывал:

Всякий, кто измыслил лукавые письма или лукавые слова, наказывается удушением. <...> Имеется в виду, что сам... измыслил благое или бедственное, либо речения бесов или духов, либо произвольно говорил о счастливых и несчастливых [знамениях], причём это касалось нарушений надлежащего [поведения] (*шэ юй бу шунь чжэ* 涉於不順者). <...> Тех, кто передавал... и смутил многих, [наказывают] таким же образом. Если ещё не набралось многих — ссылка на 3000 *ли*. <...> Имеется в виду, что тех, кому [измышленное] было передано и кого оно смутило, ещё не набралось 3 человек [Тан люй 3, ст. 268, с. 64–65]³.

Короче, имелись в виду всякого рода возмутительные речи, содержание которых провоцировало на противоправные действия ссылками на авторитет потусторонних сил.

И об оскорблении владыки, и о подрывной пропаганде тоже надлежало тайно доносить в ближайшие управы.

³ Кроме того: «Если же возвещали о себе, что имели благие знамения, говорили, что сами получали добрые предвестия, или ссылались на чудеса, произвольно говорили [что-либо о] пехоте и коннице, или попусту рассуждали о противных обстоятельствах и произвольно говорили о причинах для Восстания против, причём подобные [речи], передаваясь [от одного к другому], смутили многих людей, но нет фактических обстоятельств [Восстания или Измены], которые могли бы быть доказаны, следуют закону о лукавых [словах]» [Тан люй 3, ст. 248, с. 14].

Кто узнал о непочтительных высказываниях... или о лукавых словах, и не донёс, соответственно каждому данному случаю получает наказание, уменьшенное на 5 степеней относительно [полагающегося за] само это преступление. <...> Имеется в виду, что побуждения и соображения [высказывавшихся] были исключительно вредоносны [Тан луй 3, ст. 340, с. 248].

То есть если некто, поминая императора всуе, продемонстрировал исключительно вредоносные побуждения и соображения, и подлежал поэтому казни обезглавливанием, тот, кто слышал его, но не донёс, должен был быть наказан 1,5 годами каторги. Если же поносные слова не имели злостного характера, и самому болтуну полагалось 2 года каторги, тому, кто слышал его и не донёс, наказание не грозило.

В коллизиях же с лукавыми словами, если тому, кто их измыслил, или тому, кто их распространял и смутил многих, полагалось удушение, тот, кто слышал и не донёс, должен был получить 1,5 года каторги. Если возбуждённых лукавыми словами ещё не набралось трое, и, стало быть, тому, кто пытался взбаламутить народ, грозила лишь ссылка на 3000 *ли*, за недонесение полагался 1 год каторги.

Те же самые градации предусматривались при определении наказаний для чиновников, которые получили донос о непочтительных высказываниях, имевших исключительно вредоносный характер, либо о лукавых словах, и не предприняли мер к немедленному задержанию возмутителей общественного спокойствия. То есть неприятие после получения доноса мер противодействия во всех случаях приравнялось к недонесению. Бездеятельный государственный служащий рассматривался как укрыватель.

Закон не зря настаивал на незамедлительности реакции властей на информацию об антиобщественных действиях.

Ведь промедление было, помимо прочего, чревато ещё и возрастанием вероятности того, что преступники так или иначе узнают о получении властями информации о их замыслах или действиях. Такую нерасторопность можно было расценивать как опосредованную форму непреднамеренного сообщения преступникам о готовящихся против них акциях. И тот, кто узнал о творящемся безобразии, и чиновник, который получил донос, вполне могли сболтнуть о происходящем кому не следует.

Главным образом, конечно, нас в свете нашей проблематики интересуют чиновники. Именно подготовку к отпору преступникам, замыслившим (а то и уже начавшим) восстание, строптивость или измену, следовало считать максимально важным и максимально тайным делом.

Большие дела

Тот, кто узнал об Умысле восстания против, Умысле великой строптивости или Умысле измены всегда должен тайно донести, [чтобы затем можно было] внезапно напасть на разбойников (*коуцзэй* 寇賊). Подобные дела являются большими. Их полагается хранить в тайне, и людям знать о них не должно. Самоуправно (*чжэ* 輒) разгласивший (*лоусе* 漏泄) наказывается удушением [Тан люй 2, с. 109, с. 41].

Борьба с внутренними врагами крайне важна, спору нет. И всё же когда пришло время растолковать, что следует понимать под большими секретными делами, Кодекс ставит противодействие внешнему врагу на первое место. Фактически примерный перечень ограничен двумя коллизиями. Это подготовка внезапной военной операции и осуществление внезапного захвата бунтовщиков, повинных в одном из первых трёх зол.

Большое дело — имеются в виду секретный замысел похода или внезапного нападения либо поимка [повинных в преступлениях] такого рода, как Умысел измены. <...> Поход — имеется в виду, что отдан приказ о приведении [войска] к присяге и [разработан] секретный замысел усмирительного похода. Внезапное нападение — имеется в виду, что без звука колоколов и барабанов врасплох нападают на неподготовленных [Тан люй 2, ст. 109, с. 41–42].

Нельзя не отметить, что данное описание совершенно равным образом может относиться к внезапному нападению как на внешнего противника, так и на своих внутренних бунтарей, если они представляют серьёзную силу. Уголовный закон не акцентирует внимания на природе объекта нападения. Любое крупное военное планирование относилось к большим делам. И любое разглашение большого дела должно было быть наказано удушением.

Понятно, что если бы кто-либо из администраторов, ответственных за внезапность операции, рассказал о происходящем постороннему лицу, фактор внезапности оказался бы под угрозой. Поэтому такое разглашение, по сути, приравнивалось к молчаливому попустительству, к недонесению, и наказывалось удушением так же, как недонесение или как непринятие срочных мер.

Судя по данному тексту, необходимость внезапного ареста тех, кто был повинен в непочтительных высказываниях или лукавых словах, в круг больших дел не входила. В то же время статья о разглашении секретов вводит лишь две градации: большие дела и небольшие дела. Противодействие болтунам, возможно, относилось к небольшим делам.

Однако даже если и нет, информация о проведении любой операции, связанной с поимкой преступников, шла по разряду секретной. И, следовательно, за её разглашение карали.

Всякий, кто [должен был] задержать преступника, но разгласил своё дело, из-за чего [преступник] смог бежать, получает наказание, уменьшенное на 1 степень относительно [полагавшегося] преступнику [Тан люй 4, ст. 455, с. 127].

То есть, если надо было арестовать того, чьё преступление было наказуемо 2 годами каторги (это наказание полагалось за оскорбление императора, не имевшее исключительной вредоносности), посланный для осуществления ареста чин за невоздержанность на язык, приведшую к побегу преступника и неудаче операции, подлежал наказанию в 1,5 года каторги. Но за сорванный арест лиц, повинных во вредоносных оскорблениях или измышлении лукавых слов, наказание по этой статье было значительно тяжелее: либо ссылка на 3000 *ли*, когда самому преступнику полагалась смертная казнь, либо 3 года каторги, если лукавыми словами ещё не удалось смутить 3 человек или более.

Правда, здесь имеются в виду лишь действия того или тех, кто был непосредственно отряжен для поимки нежелательных элементов. Болтовня третьих лиц под эту статью, очевидно, не попадала.

Небольшие дела

За разглашение дел, не относящихся к большим, но всё равно секретных, полагалось 1,5 года каторги. Разница была весьма ощутимой.

В качестве примера дел подобного рода Кодекс приводит наблюдение звездочётами-наблюдателями (*тяньвэнь гуаньшэн* 天文觀生) каких-либо небесных явлений, которые могли быть интерпретированы как благие или, напротив, недобрые предзнаменования.

Небольшое дело, которое полагается хранить в тайне — согласно общеобязательным установлениям, если [кто-либо], посмотрев вверх, увидел странности ветра, облаков, испарений или цвета, он подаёт тайную запечатанную докладную записку. [Имеются в виду ситуации] такого рода [Тан люй 2, ст. 109, с. 42].

Общеобязательное установление, на которое дана отсылка в этой фразе, не сохранилось, но оно было восстановлено Ниидой Нобору по *Тан люй дянь*, где данное установление было вкратце процитировано, по соответствующему японскому закону и по этой самой цитате, приведённой в Кодексе; в итоге в его сборнике комбинация этих трёх версий выглядит так:

Приспособления для наблюдения далёких явлений (*сюаньсян цю* 玄象器物), чертежи небесных знаков и книги о них

(*тяньвэнь тушу* 天文圖書), если это не входит в обязанности данного [человека], давать [ему] нельзя. Учащимся звездочёт-там-наблюдателям нельзя читать гадательные книги. Об увиденных при наблюдении того, что вверху, странностях ветра, облаков, испарений или цвета подаются тайную запечатанную докладную записку (*ми фэн цзоувэнь* 密封奏聞) [Ниидо Нобору 1964, с. 847]⁴.

Других примеров тайных дел второстепенной важности Кодекс не приводит.

Многоэтапная передача

Учтён был и ещё один сложный момент.

Ведь передача важных сведений тем, кто мог извлечь из них выгоду, не обязательно была делом одноэтапным. Болтун мог проговориться совершенно случайному человеку, тот — ещё кому-то, а уж третий или даже, например, четвёртый в цепочке, намеренно или просто по неовдержанности языка довёл бы информацию либо до иностранного посла либо до преступника, которого власти собирались внезапно схватить. В тексте статьи тщательно разбирается такой ход событий.

Первоначально разгласивший секретную информацию (*чучуань* 初傳) считался главарём. Поэтому он и получал то самое наказание, что было предписано статьёй: при большом деле — удавление, при малом — 1,5 года каторги.

Тот, кто довёл информацию (*чуаньчжи* 傳至) до человека, для которого она как раз и представляла интерес — считался соучастником. Следовательно, он получал наказание, на 1 степень меньшее, чем главарь, значит, в случае важного дела — ссылку на 3000 *ли*, в случае дела второстепенного — 1 год каторги.

Те распространители молвы (*чжуаньчуань* 轉傳), что могли оказаться между главарём и соучастником, считались, сколько бы их ни было, наименее виновными. Сами не имея доступа к секретам, они просто повторяли чужие слова, но виновниками утечки не являлись. С другой стороны, их болтовня не имела непосредственных вредных последствий, ведь конечные получатели информации в итоге узнали о тайных делах не от них. Поэтому в случаях разглашения важных дел промежуточные передатчики подлежали наказанию 80 ударами тяжёлыми палками, а во всех иных случаях их вообще не наказывали.

Информирование иностранцев

Танские законодатели не лицемерили и не пытались скрыть то, что тоже, в общем-то, присуще всем государствам всегда и везде, но

⁴ См. тж. японскую версию этого установления в переводе К.А. Попова [Свод законов «Тайхорё», т. 2, с. 152].

не все имеют смелость говорить об этом открыто. Танский же Кодекс — произведение весьма откровенное. Вот и в данном случае, непосредственно после разъяснения, что именно следует считать делом второстепенной важности, сказано прямо:

Является нежелательным (*бу юй* 不欲), чтобы о делах в нашем государстве узнавали в иных государствах [Тан люй 2, ст. 109, с. 42].

А закон относится к этому просто: коль скоро нечто является особенно нежелательным, стало быть наказания за действия, которые могут к этим особо нежелательным последствиям привести, должны быть усугублены.

И действительно, если конечными получателями информации оказывались представители иностранных государств (*фаньго ши* 蕃國使), любое наказание, полагавшееся за соответствующее разглашение, должно было быть увеличено на 1 степень.

То есть за разглашение дел второстепенной важности не соседям и не коллегам, а посланцам из-за рубежа, невоздержанным на язык подданным полагалось не 1,5 года каторги, а 2 года. Однако разглашение большого дела наказывалось удавлением так же, как если бы получателем информации был свой. Дело в том, что обезглавливание было настолько жестоким, настолько капитальным наказанием, что его надлежало применять лишь в совершенно исключительных случаях: покушение на императора, государственная измена, преднамеренное душегубство... Поэтому в Кодексе специально оговорено: если до сведения посла иностранной державы было доведено секретное большое дело (то есть связанное с военным планированием или мерами по противодействию бунтовщикам или изменникам), виновному всё равно полагалось удавление. На этот случай увеличение на 1 степень — до обезглавливания — не предусматривалось. Справедливость есть справедливость.

Объясняя, кого при многоэтапной передаче следует понимать под конечным информатором, Кодекс указывает:

Доведший передачу [до заинтересованных лиц] рассматривается как соучастник (*чуаньчжи вэй цун* 傳至為從). Имеется в виду тот, кто довёл передачу до преступника или до посланца иного государства (*чуаньчжи цзуйжэнь цзи фаньши чжэ* 傳至罪人及蕃使者) [Тан люй 2, ст. 109, с. 42].

Получается, о делах второстепенной важности, таких как погодные аномалии, с соседями или сослуживцами можно было, похоже, болтать сколько угодно — если только ты не являешься первоначальным разгласителем. Ведь беседы на эти темы никак не могли способствовать неудаче операции по поимке неких злодеев; трудно себе

представить, что данная проблематика могла интересовать преступников, опасавшихся ареста. Для этой информации не обнаруживается заинтересованного лица.

Но вот иностранцам даже о таких делах знать всё же не следовало, и тот, кто сам довёл до них секретные результаты наблюдений за странными облаками или испарениями, подлежал наказанию 2 годами каторги. А при не прямой передаче 2 года каторги получал первоначальный разгласитель, то есть главарь, в том случае, если некто с его слов рассказал об этих наблюдениях иностранцам и тем самым оказался сообщником главаря. Сообщник в этом случае получал 1,5 года каторги.

Если между главарём и соучастником были какие-то посредники, то после попадания информации о малых делах пусть даже к иностранцам посредников не привлекали к ответственности. А если иностранцев достигла многоэтапная передача о большом деле, посредники получали те же 80 ударов тяжёлыми палками, что и в ситуациях, когда конечными получателями информации были свои преступники.

Если отрешиться от иностранцев, кто из своих мог быть заинтересованным получателем многоэтапной передачи информации о делах не первостепенной важности? За передачу кому сведений о странных облаках или наводящем на размышления ветре соучастник первоначального разгласителя, то есть конечный информатор, мог бы получить 1 год каторги? Кто мог быть здесь заинтересованным лицом, кто мог извлечь выгоду? Текст Кодекса никак не поясняет этот момент. Может быть, в этих случаях институт соучастия вообще не срабатывал, оставаясь зарезервированным только для передачи сведений о второстепенных делах иностранцам. Однако формально возможность приговорить к 1 году каторги конечного информатора всегда была под рукой — например, для ситуации, когда кто-либо, уже и так запятнавший себя возмутительными речами, мог бы, истолковав полученные сведения как признак неких знамений, получить возможность более эффективно смущать народ.

Шпионаж

Предельно суровые наказания закон назначал за действия, принципиально отличающиеся от более или менее ненарочитого разглашения секретных сведений — а именно за преднамеренный шпионаж в пользу иностранного государства или преднамеренное доведение информации о выступлении армии против внешнего противника до сведения именно этого самого противника. Здесь уже не существовало никаких градаций важности дел — все дела такого рода были одинаково важны.

Когда секретно предпринимается усмирительный поход (*ми ю чжэнтао* 密有征討), всякий кто сообщил злодеям известия [о нём], наказывается обезглавливанием. Жёны и сыновья наказываются ссылкой на 2000 *ли* [Тан люй 2, ст. 232, с. 261].

Не так много преступлений по танскому праву подлежали наказаниям с применением общесемейной ответственности. Здесь мы видим одно из них.

Закон этот, как и прочие законы о разглашении, относился как к чиновным, так и к нечиновным подданным. Неважен был статус или ранг изменника — в данном случае закон был одинаков для всех. Однако нетрудно догадаться, что степень информированности чиновников, в том числе — военных, о предполагаемых и планируемых силовых акциях всегда выше, чем степень информированности простолюдинов. Даже сам призванный под знамёна военнообязанный далеко не всегда знает, куда и против кого его бросят назавтра. А вот его полководец или администратор области, где сосредотачиваются войска — знает. И потому вероятность значимых утечек стратегической информации к противнику из правящего слоя всегда выше, чем из трудящихся и проливающих кровь низов. Следовательно, при формальном социальном равенстве адресатов данного закона фактически первыми кандидатами попасть под его санкции были ранговые чиновники.

Возможно, под эту же статью могло попасть сообщение противнику о готовности армии выступить против него и в тех случаях, когда противником были внутренние бунтовщики, собравшие немалые военные силы. Но открыто говорить о такой вероятности закон просто не мог себе позволить; ситуация, когда внутри страны бунтари и изменники оказались бы сопоставимы по силам с регулярной армией, была заведомо неправовой и не могла быть упомянута всуе. Ровно так же в Кодексе не предусмотрено наказания, например, за умышленное убийство отца. Пределом юридических гипотез в этой сфере было лишь нанесение побоев или умысел убить, и то подобное поведение уже попадало под Десять зол и наказывалось смертью. Скорее всего, информирование вооружённых и организованных смутьянов о подготовке похода против них оказалось бы соучастием в одном из первых трёх Зол со всеми вытекающими последствиями.

Поэтому согласно букве закона, здесь имелись в виду именно враги внешние. Именуются они просто *цзэй* 賊 — «злодеи». Так могли именовать и бунтовщиков. Но в данном случае их внешняя сущность становится ясной из дальнейшего текста, где речь идёт уже о «мирном» шпионаже, и в качестве получателей информации прямо называются *хуавай жэнь* 化外人, то есть «некитайцы», «иноземцы».

Когда усмирительный поход не предпринимается, те, кто осуществлял связь или шпионаж, равно как иноземцы, вошедшие [внутрь], чтобы осуществлять связь или шпионаж, либо передавал письма людям, [живущим] в стране, как и те, кто получал [эти письма], а также те, кто знал об обстоятельствах..., все наказываются удушением [Тан люй 2, ст. 232, с. 261].

Характерно, что при всей суровости отношения к военным изменникам и шпионам, их преступления ни в каком виде не попадали в Десять зол. Это была обыденная уголовщина.

Незаконное получение секретной информации

Каждой эпохе — свои методики получения информации о будущем, своя магия. Мы верим камланию рейтинговых агентств, мозговым штурмам, что совершаются в бесчисленных экспертных советах, компьютерному моделированию и прочим чудесам позитивной науки. Китайцы во времена Тан верили несколько иным вещам. Вряд ли кто-то сможет убедительно оценить, чьи методики прозрения грядущего являются более эффективными.

Выяснение будущего являлось исключительной прерогативой специально обученных, надлежащим образом этически сориентированных лиц, полностью и всецело отвечавших за свои прозрения перед вышестоящими начальниками. А разглашение конфиденциальной информации о будущем или по крайней мере предоставление тем, кому это не положено, возможностей выznавать будущее, тоже подпадало под рубрику информационных преступлений.

Существовали и иные виды закрытой информации — например, в области военного дела.

Все навыки, все искусства в столь чувствительных для коллективной безопасности областях были монополиями государства, прямо связанными с его монополией на осмысленное, со знанием дела осуществляемое управление и, в частности, на насилие.

В танском праве было сформулировано понятие так называемых «запретных вещей» (*цзинь* 禁物). В их ряд были включены в первую очередь предметы, представлявшие прямую угрозу здоровью и жизни подданных (как, например, боевое оружие). Но наряду с ними под эту рубрику попадали астрономические инструменты и книги. К ним же были причислены технические средства управления, а также труды по военному искусству и по искусству гадания.

Такого рода вещи, как латы, самострелы, копья, пики, бунчуки, знамена, хоругви и флаги, а также запретные книги, императорские и государственные печати, частным семьям иметь не полагается. Они называются запретными вещами (*цзинь чжи* 禁之物) [Тан люй 1, ст. 32, с. 191].

Тот или иной уровень запретности вещи обуславливал ту или иную строгость наказания за нарушение запрета. Сам же этот уровень, в свою очередь, обуславливался господствующими представлениями о том, насколько высокий пиетет перед данной вещью надлежит испытывать нормальному законопослушному подданному и насколько серьёзный вред способен нанести мирной и размеренной жизни страны тот человек, который имел бы возможность воспользоваться данной вещью по назначению в своих частных целях.

Скажем, луки со стрелами или короткие мечи считались средствами самообороны и допускались в частное пользование. Но если кто-либо незаконно владел оружием, запрещённым к частному владению, таким, например, как длинное копьё или трезубая пика, он подлежал наказанию 1,5 годами каторги. За самострел полагалось уже 2,5 года каторги. Один комплект защитных доспехов приравнивался к трём самострелам; судя по этому соотношению, танские законодатели, в отличие от некоторых современных теоретиков, прекрасно понимали, что защитные приспособления являются средством не обеспечения мира, а радикального увеличения наступательных возможностей. За частное владение латами, в точности как за 3 самострела, полагалась ссылка на 2000 *ли*.

Показательно, что за частное владение столь безобидными с нашей точки зрения вещами, как астрономические инструменты (приспособления для наблюдения далёких явлений — *сюаньсян цю* 玄象器物), небесные карты (чертежи и письма небесных знаков — *тяньвэнь тушу* 天文圖書), гадательные книги (*чэньшу* 讖書), книги по военному делу (*биншу* 兵書), а также некоторые календари и гадательные схемы, полагалось 2 года каторги.

Это больше, чем за частное владение, скажем, убийственным трезубым копьём.

В настоящем исследовании невозможно останавливаться на характеристиках перечисленных Кодексом приборов и сочинений, считавшихся при Тан недопустимыми для обыденного общего пользования. Сам же Кодекс перечисляет эти предметы и поясняет их суть довольно развёрнуто, но весьма возвышенным стилем и оттого ещё более расплывчато.

«Далёкие» (*сюань* 玄) значит «небесные» (*тянь* 天). <...> Далёкие явления дают понимание, и более всех — Солнце и Луна... Небесные знаки — это Солнце, Луна, пять планет и двадцать восемь созвездий. <...> Чертежи и письма — из реки Хэ исторглись чертежи, из реки Ло исторглись письма. Гадательные книги — это книги, где совершенномудрыми и мудрецами (*шэн сянь* 聖賢) прежних эпох записаны благоприятные

предзнаменования о том, что ещё не пришло. Книги по военному делу — имеются в виду Шесть [книг] стратегии *Лю тао* Тай-гуна, Три [книги] военного планирования *Сань люэ* Хуан Ши-гуна, и [другие] такого рода. Календари Семи светил — имеются в виду календари Солнца, Луны и пяти планет. Гадательные схемы Владыки Неба Тайи и Бога Грома Лэйгуна — всё это названия гадательных схем, [при помощи которых] вызнают о радостях и горестях [Тан люй 2, ст. 110, с. 43–44].

А дальше коротко и веско:

Всё это частным семьям иметь нельзя. Нарушивший наказывается 2 годами каторги [Там же].

Не увязая в подробностях, можно отметить, что ключевым моментом здесь являются, конечно, слова о том, что инструментальные наблюдения, книги и схемы «дают понимание» (*чжумин* 著明), содержат «предзнаменования о том, что ещё не пришло» (*вэйлай чжэнсян* 未來徵祥), способствуют возможности «вызнавать о радостях и горестях» (*чжань цзисюн* 占吉凶). С пониманием будущего и знанием о том, что ещё не пришло, закон не мог позволить соприкасаться тем, кто был к тому не подготовлен специальным обучением, не уполномочен вышестоящими инстанциями и не состоял в соответствующей иерархии. Знание будущего считалось более опасным, чем некоторые виды боевого оружия.

Однако это было ещё не всё.

Наказание в 2 года каторги закон сулил лишь за частное владение само по себе, за знание будущего в потенции. Если же такая возможность оказывалась реализована и, более того, если преступник начинал делиться своими открытиями с другими, наказание было ещё жёстче.

Относительно тех, кто, имея в частном владении перечисленные запретные предметы, вдобавок ещё и пользовался ими, сказано:

Если передавал [другим] или пускал [по рукам], причём слова касались нарушений надлежащего [поведения] (*янь шэ бу шунь чжэ* 言涉不順者, следуют закону о лукавых словах (*яоянь* 祇言) [Тан люй 2, ст. 110, с. 44].

Передавал — значит, рассказывал устно, на словах, а пускал по рукам — стало быть, давал читать и рассматривать другим.

По закону же о лукавых словах, если те имели касательство к неповиновению, к непокорству, полагалась, как недавно уже упоминалось, смертная казнь.

Если это касалось нарушений надлежащего [поведения], наказание — давление [Тан люй 3, ст. 268, с. 64–65].

Аналогичное наказание, нелишне отметить, предусматривалось для тех, кто частным порядком владел тремя комплектами доспехов или пятью самострелами — то есть набором, достаточным для того, чтобы вооружить небольшое, выражаясь современным языком, бандформирование.

Правда, как раз по закону о лукавых словах, если вооружённая гадательной или астрономической информацией пропаганда не увлекла значимого числа людей (то есть не набралось и трёх сбитых с истинного пути), то наказание было всего лишь — ссылка на 3000 *ли*.

Больше, чем за частное владение тремя самострелами, кстати.

Получается, частное использование информации о будущем, которая считалась, по тогдашним представлениям, подлинной, полученной с помощью тех средств, что слыли по-настоящему эффективными, коль скоро эту информацию использовало частное лицо, да ещё и способом, «имеющим отношение к непокорству» — тогда эта как бы достоверная информация фактически приравнивалась к самостоятельному измышлению лукавых слов или письмён. Подлинное приравнивалось к подложному. Ведь подложными, незаконными, были цели использования.

Ровно такое же наказание, как за частное владение астрономическими приборами или сочинениями, полагалось тем, кто частным порядком пытался выучиться искусству наблюдения за небом и толкования происходящих там событий.

Кто частным порядком профессионализировался как звездочёт — имеется в виду, что сам не имеет книг, но напрактиковался и выучился у кого-то другого... Наказывается 2 годами каторги [Тан люй 2, ст. 110, с. 44].

Строго говоря, нигде в тексте статьи не сказано, что она имеет отношение только к чиновникам. Напротив, всё говорит за то, что с чисто формальной точки зрения под её действие мог попасть любой подданный. Но, конечно, у государственных служащих и членов их семей было куда больше возможностей, чтобы добыть те или иные книги, чтобы частным порядком выучиться астрономии и астрологии и так далее. А у работников таких учреждений, как отдел жертвоприношений (*цубу* 祠部) Церемониальной части (*либу* 禮部) Правительствующего надзора (*шаншушэн* 尚書省), Надзора Потаённых документов (*мишушэн* 秘書省), Историографического института (*шигуань* 史館) или, в особенности, Террасы Ведающих небом (*сытяньтай* 司天臺) возможности к разглашению тайн будущего или ненадлежащему использованию объектов спецхранения были не в пример больше, чем, скажем, у провинциальных землепашцев.

Источник

Тан луй шу и 唐律疏議 (Уголовные установления Тан с разъяснениями) // Цуншу цзичэн 叢書集成. Т. 775–780. Шанхай, 1936–1939.

Литература

Ниидэ Нобору 1964 — *Ниидэ Нобору* 仁井田陞. То рё сю и 唐令拾遺 (Собрание сохранившихся общеобязательных установлений Тан). Токио, 1964.

Рыбаков 2013 — *Рыбаков В.М.* Танская бюрократия. Часть 2. Правовое саморегулирование. Т. 1. СПб., 2013.

Свод законов «Тайхорё» / Вступ. ст., пер. с древнеяп. и коммент. *К.А. Попова*. Т. 1–2. М., 1985.

Тан луй 1 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и) / Пер., введ. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 1–8. СПб., 1999.

Тан луй 2 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 9–16. СПб., 2001.

Тан луй 3 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 17–25. СПб., 2005.

Тан луй 4 — Уголовные установления Тан с разъяснениями (Тан луй шу и) / Пер. и коммент. *В.М. Рыбакова*. Цзюани 26–30. СПб., 2008.

*V.M. Rybakov**

Protection of state secrets in the T'ang criminal law

ABSTRACT: The concept of state secret is ancient. It was developed practically in all traditional societies. A good example of this is the idea of state secrets as well as of the ways of their protection that existed in traditional China. Chinese criminal law discovered very early the concept of secrecy and of measures to defend informational security. The criminal code of the Tang dynasty (618–907) demonstrates quite developed legal norms designed to restrict circulation of the information essential for the state. The kinds of secrets considered to be of paramount importance describe eloquently the priorities of the whole culture. One of the most curious features of state secrets in the traditional Chinese society is the desire to rationalize the irrational and to put it in the context of everyday important affairs of the state.

KEYWORDS: traditional China, state and law, the bureaucracy, administrative law, criminal law, state secrets.

* Rybakov Viyacheslav Mikhailovich, Dr. hab. (History), leading researcher of the Department of Far Eastern Studies of the Institute of Oriental manuscripts, RAS, St. Petersburg.